

1.2. Познавательные стратегии XXI века

Современные познавательные стратегии, если рассмотреть их с позиций самой общей познавательной интуиции (т. е. с точки зрения проблемы сущности и предназначения человеческого познания), должны иметь в виду принципиальное соотношение познания и мировоззрения (или, шире говоря – мироотношения).

Действительно, отношение «Человек – Мир» составляет само содержание философии, ее предмет, а, следовательно, и одну из важнейших ее сторон – познавательную.

Многообразие отношения к миру: потребительское, равнодушное, любящее, деструктивное и т. д. позволяет говорить и о различных типах познания. По этому основанию можно выделить (разумеется, с неизбежной долей упрощения и схематизма) несколько следующих главных познавательных стратегий современности (или, соответственно, типов рациональности).

1. **Инженерно-техническая (конструктивистская) стратегия.** С ней смыкается – как ее обратная сторона – деконструктивистски-игровая стратегия, т. е. попытка *преобразовать* реальность через структуры познания.

2. **Информационная стратегия.** С ней смыкается стратегия эзотерическая – как стремление получить максимум информации для *преодоления* реальности.

3. **Эволюционно-адаптационная стратегия,** видящая задачу познания, прежде всего, в *приспособлении* к изменяющейся реальности.

4. **Духовно-творческая познавательная стратегия,** т. е. стремление *одухотворить* реальность.

Можно сказать, что все эти стратегии в конечном счете сводятся к двум ведущим. Это связано с тем, что познание как философская и смысл о жизненная проблема имеет в условиях глобального кризиса современности два полюса, а именно – инженерно-конструктивистский и духовно-преобразующий типы. Между этими полюсами разворачиваются все иные познавательные тенденции.

Попробуем сделать общий обзор панорамы когнитивных стратегий современности. Подчеркнем еще раз, что нижеследующие познавательные стратегии классифицированы нами на основе не того или иного частного признака, а в их связи с мировоззрением и мироотношением, а, стало быть – на базе общей интуиции когнитивной философии: истоков познания, его хода, способов и целей, а также природы самой познавательной способности.

1. Инженерно-техническая, или конструктивистская, стратегия познания.

Сегодня это – одна из наиболее распространенных когнитивных тенденций. О ее актуальности свидетельствует хотя бы тот факт, что в современной российской философии ей уделяется самое серьезное внимание. Упомянем в этой связи книгу «Конструктивизм в теории познания», изданную Институтом философии Российской академии наук. Ее основу составляют материалы конференции «Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке». Главное внимание уделено предложенным в рамках этого направления теоретическим подходам к знанию и познанию, выявлению новых возможностей осмысления реальности в конструктивистских концепциях и рассмотрению их с точки зрения взаимодействия с другими подходами в контексте современной эпистемологической ситуации и культуры в целом [9].

Известный российский философ М.А. Розов указывает, что в основе познания в развитых его формах лежат образцы инженерной деятельности, образцы конструирования. Познать некоторое явление – это значит либо построить его модель, либо создать проект построения его самого. «Эволюция познания, – подчеркивает он, – это в существенной ее части совершенствование форм и способов теоретического конструирования. Мы сталкиваемся с конструкторской деятельностью, инженерной по своей сути, во всех областях познания... Можно усилить этот тезис и представить всё познание как конструирование. Суть в том, что мы познаем не мир как таковой, не предметы и явления в их первоизданном виде, а нашу деятельность с этими предметами и явлениями, которые, кстати, только и приобретают свою самость в этой деятельности. Но деятельность реализуем мы сами, мы ее проектируем и строим, иными словами, мы познаём то, что сами творим, хотя и в соавторстве, ибо везде проглядывает “чужая рука”» [10].

Не будет преувеличением сказать, что конструктивизм в познании имеет давнюю историю. Классическим его образцом можно считать кантовскую теорию воображения, согласно которой, человеческая мысль «строит» свой объект. Марксистский предметно-деятельност-

ный подход к познанию также можно отнести к этой стратегии, хотя и к несколько более сдержанному ее варианту. Кредо теории познания, исходящей из предметной деятельности: «Знать – значит уметь сделать» (по выражению Э. В. Ильенкова). Но, если прежде этот подход был отнюдь не распространенным, то сегодня, в техногенную эру, в эпоху экспансии человеческой деятельности, конструктивизм в теории познания становится явлением фундаментальным.

Между тем, конструктивистский подход к познанию имеет большие недостатки. Определение сути познания как умения «сделать», «сконструировать» надо признать либо слишком ограниченным, либо слишком высоким. Знаем ли мы, к примеру, жизнь как биологический феномен? Строго говоря, нет: иначе мы могли бы его «сделать», воспроизвести. Знаем ли мы то, чего никогда не знали и не видели и лишь совсем недавно впервые извлекли на свет? Нет: ибо то, чего мы еще не успели понять, мы не в состоянии ни воспроизвести на практике, ни воссоздать теоретически.

Подобного же рода попыткой преобразования реальности через структуры познания является *деконструктивистски-игровая познавательная стратегия*.

Если говорить коротко, то ее можно охарактеризовать с помощью концепта «поверхность», довольно модного в современную эпоху.

Поверхность – это понятие, выражающее установку постмодернизма на отказ от идеи глубины, в том числе, в отношении когнитивном. Постмодернистская теория познания основана на идее отсутствия «глубины» объекта, так как термин «глубина» метафорически фиксирует характерную для классической метафизики ориентацию на поиск ноуменальной сущности объекта. В постмодернизме данная установка переосмысливается с традиционной идеи «корня», выражающей проникновение в глубину, на идею «корневища-луковицы», выражающую отказ от какого бы то ни было проникновения в глубинную сущность, или смысл, объекта. Местоположение смысла – именно «поверхность»: знаки остаются бессмысленными до тех пор, пока они не входят в поверхностную организацию. Здесь возникают принципиально непредсказуемые случайные флуктуации, что является условием возможности подлинной новизны.

К понятию «поверхность» примыкают в постмодернизме понятия «полость», «выступ», «складка». Ж. Деррида характеризует «складку» как некую «нервюру», такой «угол», которые прервали бы «тотализацию». Это то – что Гегель называл «перерывом постепенности», «скачком» [11].

Акцентировка внешнего в познании по-своему оправданна и интересна как некая метафора художественно-образного мировосприятия. В то же время, нельзя не видеть здесь неизбежной опасности абсолютизировать внешнее. В результате то, что постмодернизм называет «новым», есть не более чем формальная перекомбинация старого, различие без единства, а подлинный смысл, значение (назначение) познаваемого остается «ускользающей реальностью».

Человек в понимании постмодернистов – элемент структуры (текст внутри текста), познающий другие элементы. Постмодернисты верно отобразили и акцентировали этот действительно существующий в наше время феномен, однако на этом и остановились. Они не отвечают на вопрос – для кого этот текст и для чего? Между тем, голый Текст есть Иллюзия, вторичная реальность.

Верно подмечает в подобной связи Ю.М. Шилков: в философии и культуре последней трети XX в. получили распространение два вида постмодернистского дискурса. Во-первых, речь идет о комментаторском дискурсе, древнейшем и вместе с тем обновленном способе познания. Во-вторых, о дискурсе фикциональном, воплощающем жанровые черты вымысла (притворства) как особого способа человеческой жизнедеятельности, познания и общения. Эти виды дискурса имеют глубокие корни в истории мировой культуры. Образцы комментаторства, в частности, можно найти в средневековой схоластике (комментарии к Библии), в герменевтических и интерпретационных технологиях познания, а прототипы фикционального дискурса восходят, например, к аристотелевскому учению о мимесисе и кантовскому понятию о трансцендентальной способности воображения. «...Если в классическом философском и культурологическом знании особенности комментария и фикции сохраняли свою зависимость от предметной области, то в постмодернизме эти дискурсивные способы приобрели методологическую автономию. Примат метода над предметом выразился в том, что значимостью стал обладать не предмет комментария или вымысла, а комментарий и вымысел сами по себе со своими инструментальными возможностями» [12].

Принципиальная неопределенность постмодернизма, отсутствие внятных моментов, плюралистическая игра значениями (и, соответственно, игра в значительность) – вот основы модности постмодернизма.

Там, где не видят единственной и единой Истины, начинают тяготеть к истине размытости, разнесения, различий. Это тем более ненадлежащее положение дел, поскольку сегодня, в сетевой форме организации познания и знания, возник уже Гипертекст, истинный образец разнесения, *differance*.

Стратегический выбор означающих – вот над чем мы бьемся, подчеркивает Деррида [13]. Тем самым стратегия постмодернизма, в том числе в познании, содержит опасность редукции к *выбору слов*.

Виртуальная реальность в наше время становится «сетевой», а, значит, среди других значений этого термина, и повсеместной. Следовательно, постмодернистский, деконструктивистский, всеразъедающий тип познания и мироотношения становится всеобщим и потому – глобально деструктивным. Ибо рассеивание, разнесение, *différance* – это ни что иное, как распад и смерть, в том числе, смерть познания, онтологии, человека, Бога, высших начал и корней.

2. Информационная познавательная стратегия.

Сюда можно отнести, прежде всего, феномен, повседневно наблюдаемый в информационном обществе, а именно – постоянную привязанность к компьютеру, извлечение знаний из пространства Интернета.

Но есть и вторая сторона информационной стратегии познаний – так называемая *когнитивная наука*.

В самом широком смысле слова когнитивная наука – это совокупность наук о познании: приобретении, хранении, преобразовании и использовании знания, а в узком смысле – междисциплинарное исследование приобретения и применения знаний, по определению Майкла Айзенка.

По мнению историков науки, можно выделить три корня когнитивной науки: 1) изобретение компьютеров и попытки создать программы, которые смогли бы решать задачи, решаемые людьми; 2) развитие психологии познания, рассматриваемого как переработка информации: целью этого направления исходно было выявление внутренних процессов переработки, участвующих в восприятии, памяти, мышлении и речи; 3) развитие теории порождающей грамматики и связанных с ней ветвей лингвистики.

К настоящему моменту в когнитивной науке сложились три основных теоретических направления: модельно-символический подход, модулярный подход и коннекционизм (направление, именуемое также нейронно-сетевым подходом или моделями параллельно-распределенной переработки).

Первое из этих направлений базируется на компьютерной метафоре, предполагающей рассмотрение человеческого познания и соотношения его с работой мозга по аналогии с персональным компьютером, в котором программы (*software*), выполняющие определенные функции, могут быть реализованы на разном «субстрате» (*hardware*), для которого, однако, характерно наличие центрального процессора

с ограниченной пропускной способностью, накладывающего определенные ограничения на переработку информации.

Теоретики модулярного подхода сравнивают психику человека со швейцарским армейским ножом, который приспособлен для выполнения множества функций потому, что, в отличие от обычного ножа с единственным лезвием, вооружен множеством инструментов: ножницами, штопором и т. п. Согласно данному подходу, человеческое познание можно представить как набор таких параллельно функционирующих «модулей», работающих независимо друг от друга. Выходные данные этих модулей используются в центральных процессах координации знаний и принятия решения, которые, однако, слишком сложны для изучения по причине чрезмерного количества факторов, влияющих на их текущее состояние.

Наконец, коннекционизм базируется на «мозговой» метафоре познания, где познавательные процессы предстают как процессы параллельной переработки информации сетью, состоящей из нескольких уровней простых единиц – моделей нейронов, связи между которыми обладают разными весовыми коэффициентами, причем эти коэффициенты могут меняться в зависимости от обучения нейронной сети решать определенный тип задач.

Основными составляющими когнитивной науки являются:

- экспериментальная психология познания;
- философия сознания;
- нейронаука;
- когнитивная антропология;
- лингвистика;
- компьютерная наука и искусственный интеллект (последнее – междисциплинарная область с участием как минимум психологии и лингвистики).

К настоящему моменту эти области заметно срослись, а некоторые и расширились: например, принято говорить не об «искусственном интеллекте», а о «компьютерной науке». Существует огромное количество работ в области философии искусственного интеллекта; можно упомянуть и о постепенно формирующейся философии нейронауки. Возможно, пока еще слабо связаны компьютерная наука и когнитивная антропология, но в скором времени, с учетом появления все новых коннекционистских моделей различных психических расстройств (таких, как аутизм, шизофрения и др.), можно ожидать аналогичных моделей культурно-специфических особенностей познания.

Днем рождения когнитивной науки считается 11 сентября 1956 г. – один из дней симпозиума в Массачусетском Технологическом Институте, когда состоялись три доклада, конституировавшие когнитивную науку как таковую: экспериментального психолога Джорджа Миллера «Магическое число 7 ± 2 », лингвиста Ноэма Хомского: «Три модели языка», представителей области компьютерного моделирования и искусственного интеллекта Алана Ньюэлла и Герберта Саймона (будущего нобелевского лауреата в области экономики) «Logic Theory Machine» (в русских переводах – «Логик-теоретик»).

С точки зрения выхода за пределы реальности в сферы виртуальные благодаря все более глубокому проникновению в тайны сознания, к информационной стратегии примыкает эзотерическая познавательная стратегия. Сегодня многие хотят узнать судьбу человечества и свою собственную, раскрыть секреты древних народов и применить их знания сегодня, научиться на опыте эзотериков прошлых времен, установить контакты с инопланетными цивилизациями, произвести трансмутацию человечества (трансгуманизм), и т. д. и т. п. Это – характерная черта глобально-критического периода. Отсюда – такие исследователи, как Захария Ситчин, Грэм Хэнкок, Эрнст Мулдашев и др.

Как указывает Л. В. Шапошникова, в нашем образованном и грамотном мире венаучный способ познания характеризуется такими определениями, как эзотерика, оккультизм, мистика и прочее. Ни одно из этих названий не дает ясного представления о самих знаниях и путях их получения, а, скорее, способствует различного рода непониманию и мифам. Если отбросить эти архаические термины и понятие «наука» взять в качестве основного, то такую систему познания можно было бы назвать сверхнаукой, или метанаукой. Этот метанаучный способ познания весь пронизан космизмом, связью с Высшим. Научное мышление лишено подобных связей [14].

В той же статье представлена принципиально важная в эзотерическом отношении мысль: мифологическое мышление – самое невероятное, самое бесосновное (т. е. не имеющее предшественника) – и, в то же время, самое устойчивое [15].

К разряду эзотерических можно отнести и ту концепцию познания, которую предлагают представители так называемой «интракультуры» с их новейшими некомпьютерными супертехнологиями.

Так, президент академии эзотеризма, академик Флорентийской академии Луис Ортега (Вашингтон) подчеркивает: инструменты исследования, еще недавно актуальные: система, знак, метод, анализ, компьютер, модель, информация – уже устарели по причине своей фило-

софской некорректности и превращаются в тормоз. Открылись новые, более современные принципы. Искусственный интеллект в свое время получил два направления: гносеологическая программа и виртуальная реальность. Но не было замечено наиболее важное направление: онтологическое, которое означало проникновение в тайны подлинной, а не виртуальной реальности.

При этом Реальность как Суперсистема непередаваема параметрами системы, она передаваема только и только двумя другими Суперсистемами – Сознанием и Искусством. Отсюда вывод: мыслящая машина, сравнимая (или превосходящая) человеческое сознание, должна быть основана на системе онтологии. Из этого постулата вырастает меллография – метод онтологического параметрирования и программирования достоверных результатов исследования в измерениях качества и количества. Поскольку технологии интракультуры основаны не на количественном принципе, а на онтологическом, постольку они не нуждаются в компьютерах. К другим основам относится адекватное познание реальности и понимание информации как фундаментального взаимодействия, т. е. модальности.

Философские концепции науки, с точки зрения Л. Ортеги, анахроничны и поверхностны. Конфликт со сложными, нелинейными системами опрокинул почти законченную научную картину мироздания. Эта «фальшивая» картина отличалась удивительной самовлюбленностью. Науке не удалось определить основные понятия мира: время, пространство, жизнь, сознание, информация, энергия, смерть, поле, взаимодействия, бесконечность и т. д. Наука является в этом смысле в основном верой, а не знанием. Условный мир науки, созданный рационально, никак не совмещается с сущностью жизни, а восхваления технического прогресса этически недальновидны [16].

3. Эволюционно-адаптационная познавательная стратегия.

Речь идет об интенсивно развивающемся в настоящее время когнитивном подходе, который своим возникновением обязан, в первую очередь, успехам биологической теории эволюции, популяционной генетики и генетики человека. Большие перспективы, в частности, открываются в связи со все более широким применением теорий геннокультурной коэволюции, теоретико-информационных методов, идей и принципов когнитивной психологии, системного анализа, синергетики, логики и методологии науки, эпистемической логики и т. д., которые могут успешно использоваться для изучения эволюции ментальности.

Лишенная естественнонаучной основы, теория познания все в большей степени замыкалась либо на социологию, либо на социальную философию, трактуя человека, по сути дела, как некое наделенное умозрительными когнитивными способностями внеприродное существо. По мнению многих исследователей – и с этим трудно не согласиться, – открытия последних двух-трех десятилетий позволяют говорить о настоящей революции в когнитивных науках.

Среди этих достижений следует отметить в первую очередь выявление генетической основы когнитивной системы человека, генетических факторов, предрасполагающих к выбору некоторых направлений развития культуры, а также обратного воздействия культуры на гены через давление эволюции (Ч. Ламсен, Э. Уилсон), открытие межполушарной церебральной асимметрии (Р. Сперри) и в связи с этим – этнокультурных, этнопсихологических и индивидуально-психологических различий в когнитивных типах мышления. Как оказалось, эмпирически зафиксированные в этнопсихологических исследованиях различия между двумя доминирующими когнитивными типами мышления – пространственно-образным и логико-вербальным, символическим – касаются в основном информационных характеристик и прежде всего обработки информации (причем независимо от формы ее репрезентации). А это, по-видимому, позволяет связать когнитивную эволюцию (хотя бы в первом приближении) с изменениями способов извлечения и обработки информации, т. е., в конечном итоге, с эволюцией нашей когнитивной системы, нашего мозга [17].

Эволюционная эпистемология – быстро прогрессирующее направление в современной эпистемологии, исследующее знание и познание как продукт эволюции живых организмов, эволюции способов обработки когнитивной информации. При этом фундаментальное допущение эволюционной эпистемологии, которое выступает своего рода общим знаменателем имеющихся здесь школ и направлений, сводится к следующему тезису: люди, подобно другим живым существам, являются продуктом эволюционных процессов и их мыслительные, ментальные способности, их знание и познание направляются механизмами биологической эволюции. В силу этого изучение эволюции оказывается релевантным пониманию феноменов знания и познания.

Основная задача современной эволюционной эпистемологии, как ее понимает подавляющее большинство исследователей, состоит в разработке всестороннего и максимально исчерпывающего подхода к проблемам познания, многие из которых лежат за пределами классических эпистемологических традиций. В своей основе этот подход, по-

видимому, будет междисциплинарным, так как он базируется на результатах, полученных в самых различных науках, если эти результаты имеют хотя бы некоторое отношение к проблемам познания. Конечно, в качестве научной базы современной эволюционной эпистемологии выступает, в первую очередь, биологическая теория эволюции.

Однако свой вклад в исследование познавательных процессов вносят также такие дисциплины, как нейробиология, этология, когнитивная психология, психология развития, другие когнитивные науки, логика и методология науки, эпистемическая логика и т. д.

В то же время, эпистемология, как хорошо известно, – это ветвь глубоко философского знания, такова тысячелетняя традиция. Основной вопрос, на который она отвечает: что такое знание и как оно возникает? Но, как и философия в целом, эпистемология не может существовать абсолютно независимо от специально-научного знания, от теоретической и прикладной науки.

Несмотря на наличие в современной эволюционной эпистемологии довольно значительного числа школ и подходов, здесь можно выделить два основных, принципиально различных направления исследований, две основные исследовательские программы.

Первая программа представляет собой попытку исследовать когнитивные механизмы животных и людей путем распространения биологической теории эволюции на такие структуры живых систем, которые выступают в качестве субстратов (т. е. носителей) когнитивных процессов – нервную систему, органы чувств и т. д. Вторая программа, со своей стороны, исходит из возможности объяснить культуру – в том числе, идеи, гипотезы и научные теории – в терминах биологической эволюции, т. е. используя модели эволюционной биологии. Конечно, различия между этими программами не абсолютны, они между собой тесно взаимосвязаны [18].

Один из классиков эволюционной теории познания Герхард Фолмер [19], разъясняя суть данной теории, указывал следующее. Эволюционная теория познания гласит: наши познавательные способности являются продуктом эволюции. Во всяком случае, эволюционное происхождение наших познавательных способностей не может быть незначительным для теории познания.

Традиционная теория познания в качестве своего предмета рассматривала «познание» взрослого, культурного человека, в большинстве случаев даже только взрослого европейца. При этом она, однако, пренебрегала многими аспектами: различиями людей внутри популяции, гениями, дебилами, душевнобольными как экстремальными слу-

чаями; различиями человеческих рас; развитием познания у подрастающих детей, т. е. онтогенетическим аспектом; эволюцией познавательных способностей у животных и человека, т. е. филогенетическим аспектом, составляющим предмет эволюционной теории познания.

Эволюционная теория познания – дисциплина, которая связывает друг с другом философские и специально-научные элементы. Она исходит из того тезиса, что познание является функцией мозга и как таковое одновременно является результатом биологической эволюции. Она исследует аргументы, которые говорят «за» или «против» такого понимания, и проверяет вытекающие из этого теоретико-познавательные следствия. Она опирается при этом на данные психологии восприятия, психологии развития и обучения, лингвистики, нейрофизиологии, сравнительного исследования поведения, генетики, но, прежде всего – теории эволюции в ее современной признанной форме.

Структуры нашего познавательного аппарата подходят к некоторым объектам реального мира, а к другим – нет. Субъективные и объективные структуры подходят друг к другу по крайней мере в том смысле, что они совместно делают возможным познание. Факт адаптации является при этом минимальным условием познания. Как инструмент функционирует только в том случае и насколько он подходит к обрабатываемой детали, таким же образом функционируют наш глаз, наше ухо, наше чувство равновесия, наш мозг, только потому, что они подходят к условиям окружающего мира.

Эволюционная теория познания истолковывает адаптацию человеческих когнитивных структур как результат процесса отбора, эволюционного приспособления. Не только органы чувств, центральная нервная система и мозг являются продуктами эволюции, но в равной мере и их функции: зрение, восприятие, суждение, познание, построение заключений. Посредством этого шага область теоретико-познавательного исследования и аргументации значительно расширяется.

Эволюционная теория познания, по Г. Фоллмеру, не является какой-то всеобъемлющей теорией познания. Прежде чем она может быть сформулирована, уже должны быть прояснены некоторые предварительные вопросы. Нам требуются, во-первых, экспликации понятий «познание», «истина», «объективность»; во-вторых, теория того, как возникает познание (посредством взаимодействия объективных и субъективных структур); в-третьих, теория об отношении реального мира и познающего субъекта (эту задачу решает так называемая проективная модель); в-четвертых, предположения об отношении сознания и мозга (некая системно-теоретически ориентированная теория тождества); и,

в-пятых, фактические знания о существовании, сфере действия, согласованности когнитивных систем и субъективных познавательных структур (предоставленных психологией, физиологией, нейробиологией, теорией эволюции, поведенческими исследованиями, лингвистикой и другими эмпирическими научными дисциплинами).

Теория эволюции является непременной предпосылкой эволюционной теории познания; ведь она даже дала ей название. Конечно, эволюционная теория познания зависит отнюдь не от каждой детали теории эволюции. Ее судьба, ее существование или провал зависят от следующих принципов:

- общности происхождения большинства (если не всех) организмов на Земле;
- филогенетической родственности человека с животными предками, прежде всего, с приматами;
- (почти) инвариантной репродукции организмических систем;
- наследственности анатомических, физиологических, поведенческих и когнитивных признаков;
- многообразия типов организмов благодаря мутациям;
- дифференцированной репродукции на основе различной пригодности, как правило, носящей обозначение «естественный отбор» (или «выживание наиболее способных»);
- эволюции как процесса развертывания и приспособления.

То, что помимо этого существуют еще иные факторы эволюции, например, изоляция, занятие ниши, геновая рекомбинация, является для эволюционной теории познания хотя и значимым, но не решающим фактором. Эволюционная теория познания была бы все же непрочна, если бы был ложен один из названных эволюционно-теоретических принципов.

Несмотря на эту сильную зависимость, было бы ошибочным рассматривать эволюционную теорию познания в качестве части эволюционной биологии. В то время, как теория эволюции является чисто биологической и, таким образом, естественнонаучной теорией, эволюционная теория познания, наряду со своими дескриптивными и объяснительными элементами, содержит также экспликативные и нормативные элементы, которые выделяют ее как метанаучную дисциплину.

Эволюционная теория познания, как она развита в работах Г. Фолмера, ориентирована преимущественно биологически, в ней обсуждается, прежде всего, эволюция человеческих познавательных способностей в контексте исследования когнитивных способностей живых существ. Она связана с явно выраженной *натуралистической* позицией.

Конкретно-научные доказательства эволюции человеческих познавательных способностей умножаются. Здесь следует назвать, прежде всего, пограничные области, такие, как нейрокибернетика, физиологическая психология, этология, нейролингвистика и психофизика. Эти доказательства получены, правда, в совершенно ином проблемном контексте и с другими намерениями; они не могут быть еще представлены в виде взаимосвязанной, целостной мозаики. Эволюционная теория познания поэтому остается, по признанию самого Фоллмера, по-прежнему исследовательской программой, которой только предстоит развиваться в полноценную теорию [20].

Концепцию живых систем, основанную на принципе: «Живые системы – это познающие системы, а жизнь – это процесс познания», предложили и чилийские нейробиологи Умберто Р. Матурана и Франсиско Х. Варела [21]. Они считают: знание – это эффективное действие в той области, в которой ожидается ответ, иначе говоря, мы ожидаем эффективного поведения в контексте, который мы задаем своим вопросом. С такой точки зрения любое наблюдаемое поведение может быть оценено наблюдателем как когнитивный акт. Отсюда ими делается основной вывод: жить означает познавать.

Проблематика, связанная с эволюционной теорией познания, исследуется и в ближнем зарубежье, в России. Так, Институт философии Российской академии наук выпустил в 2009 г. коллективную монографию «Телесность как эпистемологический феномен», в которой затрагиваются вопросы выявления телесных детерминант познания, жизни и духовной деятельности человека; показано, что он как существо мира средних размерностей (мезокосма) организует свою картину мира в соответствии с параметрами собственной телесности, что определяет основные направляющие его мыслительной и преобразующей активности. Те же, в свою очередь, оказывают обратное влияние на функционирование телесности, на новом витке задавая специфику познавательной деятельности [22].

6. Духовно-творческая познавательная стратегия.

Будущее необходимо должно принести с собой не новый «тип рациональности», а то, что предстает как единое и конкретное эвристическое понимание Мира и Человека.

Основание человеческой логики и человеческого познания необходимо видеть в бесконечном нравственно-целевом смысложизненном отношении ко всему сущему. Другими словами – именно в человечности, иначе называемой духовностью.

Познавать надо для того, чтобы творить. Чтобы творить, надо знать законы Гармонии. Чтобы знать законы Гармонии, надо относиться к

Миру гармонично. Тогда Гармония будет расцветать, а каждый ее элемент и вся она в целом раскроются перед человеком сами.

Истинный человек – существо не столько разумное, сколько духовное; не столько познающее, сколько любящее; не столько размышляющее и конструирующее, сколько нравственно-деятельное.

Духовность человека, в отличие от разумности, связана с наличием в человеке *души* – проводника и субстрата положительных внутренних, или высших, чувств: любви, веры, чувства священного, чувства вечного и т. д. Поэтому и процесс человеческого познания непозволительно представлять вне духовного измерения, без учета духовного начала: он окажется вне-человеческим, характерным для существа разумного вообще, или *только* разумного, т. е. не имеющего духовной ткани.

Истинно человеческое познание, наполненное духовностью, светом, теплом, т. е. подлинной *поэзией*, должно начинаться с истоков чистой детскости, с познания малого, повседневного, с любви и внимания к каждой травинке, к каждому душевному нюансу.

Для того, чтобы по-настоящему постичь окружающий мир, необходимы, в первую очередь, доверие и духовная интуиция. Тогда сами вещи раскрываются в своем истинном, цветущем виде в ответ на наше благостное к ним отношение (ср.: опыты с водой, с цветами, которые распускаются от присутствия духовно высокого человека). Следовательно, облегчается и их познание, постижение.

Критерии истинности познания зависят от правильного отношения к реальности, т. е. от уровня нашего духовного развития. Если я бережно и благоговейно отношусь к реальности, я вижу ее правильно.

* * *

Всё вышесказанное заставляет сделать следующие предварительные выводы.

Современные познавательные стратегии коррелируют с тем или иным пониманием сущности человека, его места и предназначения в мире (биологизаторский подход, социологизаторский, универсалистский, духовно-практический).

Поэтому и критерий типологизации этих стратегий связан с отношением человека к миру. Коренной вопрос в данном случае – в чем сущность и назначение познания?

Если человек понимается как господин над миром, как агент перестройки внешнего мира – в дело вступает инженерно-конструктивистская стратегия познания.

Если человек выступает как безучастный к миру игрок-художник, то в познании это оборачивается экспансией игровой культуры – деконструктивистской познавательной стратегией.

Если человек рассматривается как эквивалентный миру и, следовательно, самотворящий, саморазвивающийся; если сущность человека подразумевает актуализацию и универсализацию онтологически укорененных человеческих возможностей, то на арену познания вступают информационная, эволюционная и эзотерическая стратегии познания.

Наконец, если человек – это со-творец, со-работник в Природе, вносящий в нее то, чего в ней не было и не может быть в принципе – одухотворение материального бытия, тогда познание обретает свое надлежащее место в жизнедеятельности человека, становясь условием и средством для творчества. Тогда важнейшей стратегией познания по праву следует назвать стратегию духовно-творческую.

В контексте глобального кризиса современности и необходимости решительного поворота во всех областях бытия человека в мире познание рождает два полюса когнитивной проблемы – инженерно-конструктивистский тип познания и духовно-преобразующий.

Вообще же познание выступает в самых разнообразных формах. Но, очевидно, необходима гармоничная связь различных типов и способов познания, их взаимообогащение, а не конфликтность, их мировоззренческая основательность, полнота, взаимная дополнительность, целостность и ценность.

В методологическом отношении, в гносеологии по-видимому, неизбежно деление на субъект и объект, оно является прямым условием познавательного процесса. Ибо я должен что-то увидеть как не себя, вне себя, как нечто иное, нежели я сам. Но именно отсюда, из этой выделенности человеческой системы отсчета, и возникают многие недоумения, скепсис, агностицизм.

Это деление, вероятно, надо понимать как временное условие. Оно вводится для того, чтобы быть в нашем познании объективными. Но Истина есть не только то, что существует независимо от нас: она должна быть, безусловно, еще и тем, что помогает нам развиваться. Поэтому, когда предмет рассмотрен и осмыслен как таковой, необходимо включить его в систему «Человек – Мир». Надо понять нашу связь с этим предметом, его влияние на нас и нас на него, его перспективы в мире, возможности нашего возвышения этим предметом и его одухотворения нами, его трансформации в процессе нашего все более глубокого духовно-практического встраивания в законы материального бытия.

Принцип человеческой универсальности позволяет и требует понять дело таким образом, что человек находится внутри мира, он соткан из мира, а, следовательно, мир входит в человека. Следовательно, субъект-объектное различие – достаточно условно. Человек не со стороны смотрит на мир, хотя ему может так казаться в силу его привилегированного положения в сравнении с другими существами. Человек, подчеркнем это еще раз, – внутри мира, а мир – внутри человека. Значит, познавая мир, человек познаёт себя. Правда, это – довольно трудный процесс, к тому же в принципе не могущий иметь вполне достижимого результата. Дело в том, что человек познаёт мир через внешнюю его сторону, пытаясь углубиться вовнутрь, но чем дальше, тем тоньше и невидимей, тем более метафизическими и гипотетическими становятся наши знания.

Поэтому более правилен принцип: познай себя – и ты познаешь мир. Это объясняется тем, что человек знает себя всегда прежде всего как существо внутреннее: мыслящее, чувствующее, вспоминающее, мечтающее и т. д. Войти в глубину своего собственного тонкого мира человеку проще, ближе, чем в глубину тонкого мира вне себя.

Итак, познавая себя все глубже и тоньше, человек способен проникнуть в духовные сияния своей сущности. А еще лучше, если он производит очистительную работу над собственным эгоистическим пленом и дает возможность духовному началу в себе засиять столь ярким светом, что он выходит вовне. Тогда, благодаря высвобождению духовной сущности, человек способен и в себе со всей ясностью увидеть духовные токи и структуры, и в мире гораздо лучше различить тонкие материальные энергии и духовные структуры.

Отсюда понятно, что *познание есть припоминание*, ибо куда пытается проникнуть человек в своем познавательном устремлении? В ту глубину, которая ему дана изначально. Познание – двуединый процесс: человек воспринимает информацию извне и изнутри, – вернее, изнутри вовне, именно такова интенциональность сознания.

Отсюда понятно также, что *познание есть открытие нового*, ибо то, что было скрыто от человека в глубине его души, явится для него как новшество, когда освободится из-под скорлупы природно-инстинктивных наслоений.

Отсюда понятно, наконец, что *познание есть творчество*, ибо освобожденное духовное начало начнет постепенно распространяться в Мироздании, дополняя его красоту новыми оттенками и проявлениями, благотворно повлияет даже на структуры и функции многих вещей и явлений реальности.